ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

УДК 821.133.1 DOI: 10.31249/lit/2026.01.07

ЛИТВИНЕНКО Н.А.[1] ГОТИЧЕСКОЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИСТОРИКО-РОМАНТИЧЕСКОМ РОМАНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.©

Аннотация. Изучение поэтики и роли готического во французском историко-романтическом романе в начале XXI в. приобретает новую актуальность в свете разграничения традиций френетического и готического письма, осмысления психолого-эстетических категорий страшного и ужасного, феноменов восприятия и воображения, фантазии и фантастики. Достижения готической романистики французской литературы постреволюционной эпохи предвосхищают расцвет готического и готических жанров в литературе XX–XXI вв. В статье выявляются основные особенности готики и готического в общелитературном контексте и на материале французского историко-романтического романа. Рассмотрены подходы современных литературоведов к интерпретации этих феноменов в связи со спецификой категорий страха и ужаса как доминантных элементов поэтики готического во французском романтическом романе. Готическое – одна из универсальных категорий эстетики, эволюционировавших на протяжении всего процесса развития литературы. Эволюция поэтики готического в романтической исторической и неисторической романистике Франции первой половины XIX в. привела к образованию спектра переходных форм страшного и ужасного в романтическом и неромантическом романе. В литературном дискурсе эпохи фор-

[1] **Литвиненко Нинель Анисимовна** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения; ORCHID: 0000-0001-6400-9176; ninellit@list.ru

© Литвиненко Н.А., 2026

мировались векторы развития историко-романтического романа, эволюции готического в романистике XX в. и культуре последующих эпох.

Ключевые слова: готика; готическое; романтизм; поэтика и эстетика; роман.

Для цитирования: Литвиненко Н.А. Готическое во французском историко-романтическом романе первой половины XIX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2026. – № 1. – С. 144–155. DOI: 10.31249/lit/2026.01.07

Поступила: 17.02.2025 Принята к печати: 15.12.2025

LITVINENKO N.A.[1] The Gothic in the French historical and Romantic novel of the first half of the nineteenth century©

Abstract. The study of poetics and the role of the Gothic in the French historical and Romantic style at the beginning of the twenty first century is gaining new relevance in the context of differentiation of the traditions of phrenetic and Gothic writing, the comprehension of the psychological and aesthetic categories of scary and terrible, the phenomena of perception and imagination, fantasy and fiction. The achievements of Gothic novelistics in French literature of the post–revolutionary era anticipate the flourishing of Gothic and Gothic genres in the literature of the twentieth and twenty first centuries. This study identifies the main features of the Gothic as general poetic category and individual manner in the general literary context and on the basis of the French historical and Romantic novel. The article examines the main approaches of modern literary critics to the interpretation of these phenomena in connection with the specifics of the categories of fear and horror as dominant elements of Gothic poetics in the French Romantic novel. Gothic is considered as one of the universal categories of aesthetics that have evolved throughout the entire process of literary development. The evolution of the Gothic principle in the French Romantic historical and non–historical novels in the first half of the nineteenth century resulted in the formation of the spectrum of transitional forms of scary and terrible in the Romantic and non-Romantic novel. The paths of the future development of the Romantic historical novel and of

[1] **Litvinenko Ninel Anisimovna** – Doctor in Philology, professor; full professor at the State University of Education; ORCHID: 0000-0001-6400-9176; ninellit@list.ru

© Litvinenko N.A., 2026

the evolution of the Gothic in the twentieth-century novel and in the culture of subsequent years were forming in the literary discourse of the epoch.

Keywords: The Gothic; Gothic; Romanticism; poetics and aesthetics; novel.

To cite this article: Litvinenko, Ninel A. “The Gothic in the French historical and Romantic novel of the first half of the nineteenth century”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2026, pp. 144–155. DOI: 10.31249/lit/2026.01.07 (In Russian)

Received: 17.02.2025 Accepted: 15.12.2025

Проблемы литературной готики, ее традиций и поэтики произведений, которые относятся к этой области словесного творчества, в частности, готического романа, – предмет устойчивого внимания современных исследователей [Duprat, 2018]. Особенно обширен материал, посвященный английскому готическому роману [Durot-Boucé, 2004], что естественно, поскольку именно в английской литературе на рубеже XVIII и XIX вв. вырабатывались жанровые формы готической романистики, формировались разнообразные стратегии и элементы готического письма в разных литературных жанрах.

Лежащая в основании готического романа жанровая модель оказалась чрезвычайно продуктивной и повлияла на процессы развития романа далеко за пределами Альбиона. Это влияние находило проявление в литературе Франции, в культуре и литературе разных стран и в последующие века.

Современные литературоведы, обратившиеся к изучению истоков и модификаций феномена литературной готики, ее особенностей в произведениях различных жанров, эпох и стран, неизменно констатируют терминологическую неустойчивость, неопределенность представлений, сложившихся в этой области научного знания [Frigerio, 2023]. Морис Леви пишет: «Мало какие слова пережили столь беспокойную семантическую эволюцию, как слово “готический”. Безусловно, нормально, что термины литературной критики эволюционируют, слова живут и их смысл изменяется», цит. по: [Пахсарьян, 2024b, с. 11]. Полисемантика и эволюция понимания страшного и ужасного как доминантных признаков и мотивов готической литературы первой половины XIX в. связаны со сменой исторических эпох, событиями, катаклизмами революционной и послереволюционной поры, с формированием новых

культурных кодов, художественных моделей восприятия и понимания мира. Поиск новых ценностных ориентиров усиливает интерес к «альтернативным» моделям восприятия и интерпретации действительности – у «бездны на краю» [Пахсарьян, 2024а].

Бурное развитие нарративной истории и исторической романистики в 1820–1840-е годы сочетается со стремлением выработать новые способы и жанровые формы осмысления предшествующих исторических эпох – мрачных, страшных, трагических, великих… Гетерогенность, полифункциональность самого феномена готического порождает разнообразные художественные синтезы, новую психолого-эстетическую и философско-онтологическую специфику изображения картин и событий далекого или недавнего прошлого.

Весомую роль в изучении векторов эволюции и специфики готического во французском историческом романе первой половины XIX в. сыграло разграничение принципов готического и френетического письма [Pézard, 2017], родственных, но и различных по своей историко-психологической и функциональной семантике категорий страха и ужаса [Пахсарьян, 2024а].

В трудах Аристотеля эти категории лишь относительно дифференцированы. Автор «Риторики» видел в них поединок между добром и злом. Страх, полагал он, неотделим от страдания, это постижимое зло: «некоторого рода неприятное ощущение или смущение, возникающее из представления о предстоящем зле, которое может погубить нас или причинить нам неприятность», имеет возможность причинить нам вред, влекущий за собой большие горести. «Страшно ожидание страдания, быть в зависимости от другого человека, когда совершившему ошибку невозможно исправить ее» (Rhet., 1182a21–1383a12). В этом комплексе психологических мотивов Аристотель выделяет нравственно-этическую доминанту – надежду на спасение, полагая, что о безнадежном никто не размышляет. Комплекс названных мотивов, как нравственная доминанта, войдут в поэтику литературы разных эпох. Суждение о безнадежном – это подступы к мифологизированному пониманию ужасного, которое, по мысли Аристотеля, противоположно прекрасному, не соответствует самой сущности эстетики античного искусства.

Страх и ужас, с доисторических времен присущие человеку как биологическому виду, человеческому сознанию и бессознательному, были предметом религиозно-философского осмысления на протяжении многих веков, – рационалистической рефлексии

просветителей, философско-эстетической рефлексии в романтизме и о романтизме. Страх и страхи, ужас и ужасное в XIX в. – не только аспекты миметических моделей изображения мира, но и психологической поэтики произведений, специфики их художественного воплощения и восприятия [Свендсен, 2010; Кристева, 2003]. Разумеется, в религиозном и десакрализуемом, десакрализованном мире эти категории изменяли свой смысл. Об этом свидетельствует расцвет готики на рубеже XIX и XX веков, в 1920–1930-е годы к проблеме реальности ирреального, ужаса и страха обращались Г. Уэллс, Г. Джеймс, А. Бирс, А. Мейчен, Г.Ф. Лавкрафт. Их преемникам и последователям несть числа. П.С. Гуревич, составитель антологии «Страсти человеческие. Страх» [Страх, 1998], включил в ее состав десятки авторов – философов, психоаналитиков, социологов, писателей, принадлежавших к различным литературным направлениям, создателей собственных социокультурных, философских, литературно-художественных миров и мифов. Среди них Б. Паскаль, Г. Гегель, О. Шпенглер, К. Юнг, Ф. Ницше, Ф. Кафка, Г. Уэллс, Г. Майринк, А. Камю, Дж. Оруэлл, М. Хайдеггер и др.

Процесс развития литературы обнаруживает пространство бесконечных трансформаций страшного и ужасного, понимания сущности этих феноменов, их связей с эволюцией общественного и личностного сознания, с философско-эстетическими концепциями сменяющих друг друга эпох [Killen, 1924]. В конгломерате идей и образов, возникающих на этой основе, всегда просматривается экзистенциально, онтологически значимое ценностное ядро, сближающее эти феномены между собой. Обобщая опыт предшественников, в поисках универсалий, лежащих в основе категорий страха и ужаса, М. Эпштейн в монографии «Первопонятия. Ключи к культурному коду» выделил философский страх – как «страх перед бытием, потому что оно непознаваемо, или перед небытием, потому что оно опустошительно, страх за свое маленькое “я”, несоизмеримое с бесконечностью мироздания» [Эпштейн, 2022, с. 245]. Ученый предложил градацию переходных форм страшного от странного до ужасного, по мере нарастания сил психологического воздействия на индивида: странное – непривычное – удивляющее, подозрительное, настораживающее – пугающее – страшное – ужасное – жуткое. Страх и ужас – как литературные феномены обладают родственными психологическими основами, по-разному взаимодействующими между собой и реализуемыми в произведениях различного жанра.

Феномены страха и ужаса, «любопытство ко злу» (выражение Мюссе) органично вошли в романтическое мышление, пронизанное символическими аллюзиями и мифологическими смыслами. Они нашли воплощение в творчестве Новалиса, в произведениях Гофмана, Арнима, Тика, в драматургии и новеллистике Г. фон Клейста, Г. Гейне [Женевский]. Везде, где возникают мотивы двойничества и рока, где писатель воспроизводит трагедию, вводит трагические коллизии и подтексты, проступает готическое начало.

Готическое обильно представлено в творчестве английских предромантиков и романтиков – У. Бекфорда, М.Г. Льюиса, А. Радклиф, Ч.Р. Метьюрина, М. Шелли, В. Скотта, Дж. Байрона, Шарлотты и Эмилии Бронте, Ч. Диккенса [Durot-Boucé, 2004], оно находит трагедийное воплощение в произведениях американских авторов (Н. Готорна, А. Бирса, Э. По, Г. Мелвилла). Во французском романтизме страх и ужас легли в основу сюжетов, использованных художниками-живописцами (Жерико, Делакруа); вошли в новеллистику Ш. Нодье, Т. Готье, Жерара де Нерваля, в романы и новеллы Шатобриана, В. Гюго, Э. Сю [Зенкин, 1990]. Готическое стало важным элементом пародийно-готического дискурса романистов [Пахсарьян, 2024а].

Готическое легло в основу воображения романтиков и фантастики романтизма [Лахманн, 2009]. Сферу «чистого чудесного» – сверхъестественного, отмечает С. Зенкин, часто заполняли «эфемерные» образы призраков и привидений [Зенкин, 2023, с. 42–64]. Психологические аффекты и эффекты, их герменевтические коды, способы изображения в романтизме успешно граничили с «чистой» фантастикой, воспринимались как особая сфера воображаемого и воображения, входили в комплекс эстетических признаков, жанров, разрушающих границы «аристотелевски», рационалистически, позитивистски понимаемых канонов правды и правдоподобия, в то же время формировали – на новой основе – новые стереотипы и клише.

Готическое в этом процессе играло едва ли не решающую роль. Готические мотивы, отсветы, аллюзии входили в поэтику романтического искусства, скрытого катастрофизма восприятия и изображения мира. Романтическое воображение постоянно преступало границы так называемого реального мира, вторгаясь в область «невероятного, странного и чудесного», демонического [Зенкин, 2023, с. 45]. Г.К. Косиков констатировал: «Черный налет

коснулся едва ли не всех жанров, едва ли не всех писателей» [Косиков, 1993, с. 30].

Готическое входит в предоснову романов о «болезни века», в центре которых судьба индивида, не приемлющего законы общества, усомнившегося в законах вселенского бытия, одинокого страдальца или бунтаря, стремящегося к разгадке своего предназначения и своей судьбы (Рене у Шатобриана, Оберман у Сенанкура, Лелия у Жорж Санд). Роковое – страшное и ужасное в судьбах персонажей, созданных этими писателями. В изломах судеб героев проступает безысходно трагическое начало, оно кроется в глубине их сознания, в устройстве социума, земного бытия. Мотивы рока, Ананке создают увлекательно загадочный напряженно-трагический дискурс, подтекст произведений. Готические сущности и предзнаменования временами «проговариваются», выходят на авансцену, становятся предметом рефлексии автора и героев, определяют особенности подтекстово-психологического нарратива романов, посвященных не только истории, но и современности.

Сквозь каждую из психологических субстанций – страха и ужаса – в романтизме просвечивают обширные пласты символизации – античные, библейские, литературные и социокультурные мифы, которые создают новые симбиозы перекликающихся аллюзий. В классических готических романах (Бекфорда, Льюиса, Радклиф, Метьюрина) страшное и ужасное знаменуют «разрыв равновесия», ощущение которого неуклонно нарастает. Рациональное объяснение психологических коллизий и состояний героев не исчерпывает смысла и смыслов сюжетных событий. Ужасное и страшное – способы чувствовать и мыслить – воплощают множественные формы иррациональной семантики, выстраивают романные нарративы. Модусы ужасного и страшного проблематизируют ценностные ориентиры литературы XIX–XX вв. В эпоху модернизма, в XX в. они переосмысливаются, порой утрачивают доминантные признаки, сближаясь, идентифицируясь с абсурдом (Ф. Кафка, Дж. Джойс, А. Камю, Ж.-П. Сартр, С. Беккет, С. Кинг).

В XX в. иррациональное, непостижимое, ужасное формируют апокалиптическую матрицу неотвратимости надвигающегося «конца». Постмодернизм создает собственные модели деисторизации «реальности», ужасное предстает в качестве важнейшего компонента культуры, утратившей или утрачивающей свой телеологический, историцистский вектор, создает и выстраивает собственные мифы.

Готическая литература ужаса XIX–XX вв. обнаруживает не столько семиотический разрыв, сколько семиотический взрыв, формирующий катарсис и новое бифуркационное художественное пространство, в котором накапливаются множественные взаимодействующие друг с другом импульсы и мотивы. Поэтика ужасного структурирует неразрешимый конфликт между миром и человеком, неожиданно оказавшимся на краю бездны, перед лицом инобытия. В пространстве ужасного торжествует «метафизическая ночь», которую повествователь, автор, герой открывают в глубинном пространстве бытия, в сознании индивида, масс и собственного «я».

Страшное и ужасное раздвигает границы реальности, в обеих категориях заложена интенция приручить ужас не только бытия, но и инобытия. Опираясь на гипнотические ресурсы, страшное и ужасное воздействуют на подсознание, пробуждают спектр разнообразных эмоций, рефлексию, читательскую фантазию и воображение [Рансьер, 2004, с. 34–50], формируют новые эстетические симбиозы и смыслы. Ницше недаром видел в сочетании ужаса и восторга проявление мощного дионосийского начала.

Исследуя феномен ужасного, Ю. Кристева пишет о его феноменологических и эстетических особенностях в творчестве Селина: «Под закрытыми, цензурированными поверхностями цивилизаций я обнаруживаю питающий их ужас, который они пытаются устранить… То, что остается (после изучения. – *Н. Л.*), – его археология и его бессилие, – не что иное, как литература: высшая точка, в которой отвращение взрывается переполняющим нас прекрасным… и “ничего другого не существует” (Селин)» [Кристева, 2003, с. 246]. Исследуемый дискурс ужасного у Селина становится «похожим на протагониста *Сил ужаса:* изгнанника, вопрошающего “Где?”, безустанного скитальца, одержимого проведением границ и разделением пространств, сменяющего маски в игре с множеством идентичностей, заблудившегося меланхолика, пересекающего вечно чужую страну “до края ночи”» [Николчина, 2003, с. 19]. Прекрасное в этих строках сливается с ужасным, амбивалентно силам ужаса, и в то же время обретает свой «изначальный», едва ли не аристотелевский, смысл – становится знаком художественного совершенства.

Вырастающие из страшного симптомы и признаки ужасного, обрастая многочисленными клише, пронизывают тексты и подтексты массового искусства XX–XXI вв. Страшное и ужасное становится едва ли не господствующей сферой массовой культуры, го-

тическое «банализируется», становится непривычно-привычным, частью реально-фантастического мира, который и страшит и притягивает к себе. Искание смыслов космического, сверхъестественного ужасного, о котором писал Г. Лавкрафт [Лавкрафт, 2001], становится модусом вивенди современного массового читателя и персонажей фантастического мира.

В литературе страха границы, разделяющие мир «таинственного», загадочного и «реального» преодолимы, тогда как в литературе ужаса вырабатываются матрицы, в которых под натиском неведомого, неотвратимо надвигающейся катастрофы или серии катастроф законы природного мира утрачивают свою силу. Альтернативность «границ» относительна, не исключает сращения, взаимопереходов добра и зла, страшного и ужасного.

Протагонистом ужаса в историческом романе XIX в. становится трагический опыт общественных потрясений, последовавших за 1789 г., когда страшное вошло в общественную, повседневную жизнь ряда поколений. Готическое насыщало романтический исторический роман семантикой трагедийности, становилось средством мифологизации истории, создавало гротескно-ироническое и психологическое переосмысление ее событий и фактов, формировало пространство бесконечных подтекстов и аллюзий, вело к переоценке, переосмыслению не только фактов истории, но и современных событий [Bernard, 2021a; Bernard, 2021b].

Не только жанровые модели готики, но и готическое, как составляющий элемент неготической романистики, создавало новые векторы эволюции литературы, литературно-«символические модели чувств». А. Зорин цитирует слова основоположника «интерпретативной антропологии» Клиффорда Гирца: «Культурными артефактами в человеке являются не только идеи, но и эмоции <…>. Ни правящие координационные области, ни умственное строение у человека не могут быть сформированы достаточно четко в отсутствие направляющего воздействия со стороны символических моделей чувства» [Зорин, 2006, с. 15]. Исторический роман первой половины XIX в. участвовал в выработке таких моделей, содержал трансформацию исторического и феноменологического опыта романтизма, готической романистики, «неистовой литературы», современного социального романа, поэзии и драматургии (Ф.-Р. де Шатобриан и В. Гюго, А. де Виньи и Э. Сю, А. Дюма и Т. Готье).

На этой основе модифицировались разновидности и модусы жанров, мотивные структуры исторического романа, насыщенного

готическими знаками, первоэлементами, отсвечивающими контурами непознанного и непознаваемого мира. В сложном конгломерате образов и идей выкристаллизовывались не только новые модели чувств, но и формы социально-психологического романного опыта изображения истории и современной жизни.

В качестве частной, «вторичной», встроенной в пространство прекрасного, эстетическая категория готического на рубеже XVIII и XIX вв. соединяла, сближала, по-новому соотносила между собой поэтологические признаки предромантического и романтического художественного письма. Она содержала метажанровую составляющую – многовекторную систему экзистенциально насыщенных оппозиций: добра и зла, прекрасного и безобразного, возвышенного и низкого, трагического и комического, нравственного и безнравственного, истинного и мнимого, реального и ирреального, фантазийного и фантастического, притягательного и отталкивающего, устрашающего и примиряющего начал.

В отличие от волшебно-сказочной и страшной, фантастической новеллистики (Ш. Нодье, Т. Готье, Ж. де Нерваль), ужасов «неистового» романа, готическое во французском историческом, историко-приключенческом романе постепенно «бытовизируется», едва ли не утрачивает свое метафизическое, фантастическое содержание. А. Дюма, Жорж Санд в своих романах включают в готическое элементы пародийности. Как совокупность приемов, принципов, свойств, мотивов готическое оказывает всестороннее влияние на процессы развития популярной романистики, способствуя демократизации литературы.

Постепенный отказ от принципов последовательной историзации материала, сближение с байронизмом, полемика с «неистовым романтизмом» уступают место роли готического как изобразительного средства, существенно обогащающего ресурсы развития жанра. Углубляя связи с социально-психологическим, приключенческим романом, рисуя перипетии исторических событий и судьбы героев, романисты не тяготеют к погружению в ужасы и кошмары, подчиняют элементы готики решению актуальных художественных задач.

Готическое начало во французском романтическом историческом романе первой половины XIX в. содержало собственные апории, антиномии, стратегии реализации мимесиса, влияло на экзистенциальную семантику, специфику романического, моделировало внутриструктурные и межжанровые связи в литературе эпохи.

Как жанр, как модус жанров, как совокупность проблемно-тематических и проблемно-типологических признаков готическое участвовало в выработке новых жанровых синтезов и симбиозов, в трансформации поэтики исторического романа. Как совокупность приемов и мотивов, как эстетическая категория, готическое способствовало диверсификации жанровых форм французской романистики XIX в.

Страшное и странное, ужасное и сверхъестественное, фантастическое и «реальное» входят в психолого-эстетические комплексы романтизма, художественного изображения и восприятия текста, усиливают трансформацию связей с традициями предромантической эпохи. С опорой на достижения ранней готики и романтизма, готическое участвует в формировании новых повествовательных стратегий и модификаций французского исторического романа. Художественные синтезы и симбиозы, структуры и мотивы, лежащие в его основании, определяют векторы литературы последующих эпох.

Структуры готического, рассматриваемые в системе основных и «вторичных» эстетических оппозиций, феноменов страха и ужаса, влияют на выработку доминантных моделей художественного мышления романистов, расширяют перспективы жанрово-эстетической эволюции исторического и неисторического романа в XIX в., становятся важным компонентом формирования новых культурно-исторических кодов, которые унаследует «разомкнутое» историческое мышление XX–XXI вв.

Список литературы

Женевский В. Страх в литературе немецкого романтизма // Ассоциация авторов хоррора. Архив. Статьи. – URL: https://darkfiction.ru/page/strah-v-literature-nemeckogo-romantizma (дата обращения: 12.01.2024)

Зенкин С. Imago in fabula. Интрадиегетический образ в литературе и кино. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 778 с.

Зенкин С. Французская готика : в сумерках наступающей эпохи // Infernaliana. Французская готическая проза XVIII–XIX веков. – Москва : Ладомир, 1990. – С. 5–24.

Зорин А. Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива // История и повествование : сб. ст. / под ред. Г.В. Обатнина, П. Песонена. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 12–27.

Косиков Г.К. Два пути французского постромантизма : символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / сост., общ. ред., вст. ст. Г.К. Косикова. – Москва : Московский государственный университет, 1993. – С. 5–62.

Кристева Ю. Силы ужаса : эссе об отвращении. – Санкт-Петербург : Алетейя ; Харьков : Ф-пресс, 2003. – 256 с.

Лавкрафт Г. Сверхъестественный ужас в литературе / пер. Л. Володарской // Лавкрафт Г. Собрание соч. : в 3 т. – Москва : Гудьял-Пресс, 2001. – Т. 3. – С. 407–480.

Лахманн Р. Дискурсы фантастического. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – 384 с.

Николчина М. Власть и ее ужасы : политология Юлии Кристевой // Кристева Ю. Силы ужаса : эссе об отвращении. – Санкт-Петербург : Алетейя. 2003. – С. 19. – 256 с.

Пахсарьян Н.Т. Удовольствие от страха : парадоксы поэтики готического во французских «черных романах» 1790-х годов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2024a. – № 3. – С. 182–194.

Пахсарьян Н.Т. Своеобразие готических мотивов во французских «неистовых» романах // Литературоведческий журнал. – 2024b. – № 3 (65). – С. 9–23.

Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / сост., пер. с франц. и послесл. В.Е. Лапицкого. – Санкт-Петербург ; Москва : Machina, 2004. – 128 с.

Свендсен Л. Философия страха. – Москва : Прогресс-традиция, 2010. – 287 с.

Страх : антология : филос. маргиналии проф. П.С. Гуревича. – Москва : Алетейа, 1998. – 402 с. – (Страсти человеческие).

Эпштейн М. Первопонятия. Ключи к культурному коду. – Москва : Колибри, 2022. – 685 с.

Bernard Cl. Le passé recomposé. Le roman historique français du XIXe siècle. – Paris : Classiques Garnier, 2021a. – 614 p. – (Études romantiques et dix-neuviémistes ; N 105).

Bernard Cl. Si l'Histoire m'était contée… Le roman historique de Vigny à Rosny aîné. – Paris : Classiques Garnier, 2021b. – 373 p. – (Études romantiques et dix-neuviémistes ; N 114).

Duprat A. Le gothique et le roman // Romanesques noirs, 1750–1850. – Paris : Classiques Garnier, 2018. – P. 73–87.

Durot-Boucé E. Conclusion // Durot-Boucé E. Le Lierre et la chauve-souris : Réveils gothiques. Emergence du roman noir anglais, (1764–1824). – Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2004. – P. 235–251.

Frigerio V. [Review] // Dalhousie French studies. – 2023. – N 123. – P. 121–123. – DOI: 10.7202/1107720ar. – Rev. of: Bernard Cl. Le passé recomposé. Le roman historique français du XIXe siècle. – Paris : Classiques Garnier, 2021. – 614 p. – (Études romantiques et dix-neuviémistes ; N 105); Bernard Cl. Si l'Histoire m'était contée… Le roman historique de Vigny à Rosny aîné. – Paris : Classiques Garnier, 2021. – 373 p. – (Études romantiques et dix-neuviémistes ; N 114).

Killen A.M. Le Roman terrifiant ou Roman noir de Walpole à Anne Radcliffe et leur influence sur la littérature française jusqu'en 1840. – Paris : Honoré Champion, 1924. – 250 p.

Pézard E. Un genre fondé sur le « goût de l'atroce ». Le romantisme frénétique // Fabula. Les coloques. Les genres littéraires, les genres cinématografiques et leur émotions. – 2017. – URL: https://www.fabula.org/colloques/document4094.php